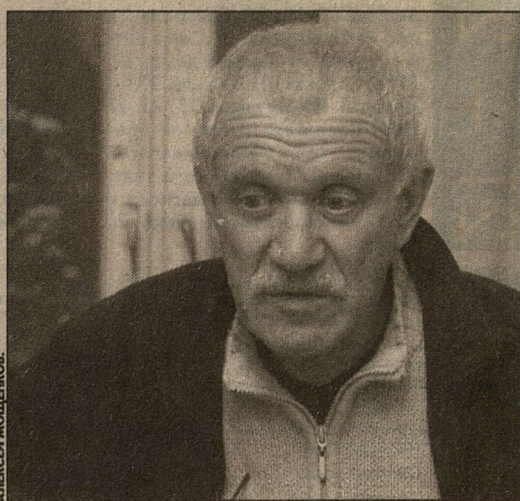

«Я решил снять фильм с температурой 39,9»

Создатель фильмов «Экипаж», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Сказка странствий» Александр Митта работает над новым сериалом «Лебединый рай». Вашему корреспонденту удалось побывать в гостях у режиссера, побеседовать с ним о творческих планах и даже увидеть «черновой» монтаж первой из шестнадцати серий.

АЛЕКСЕЙ МОЩЕНКОВ

- Даже в таком незаконченном виде лента производит ошеломляющее впечатление: такие интересные характеры, повороты сюжета, динамика, интрига...

- После одного моего фильма Марк Захаров сказал: «Это картина с температурой 38,6». И я тогда решил, что сниму фильм с температурой 39,9. Но для фильма в полтора часа нужны более щадящие условия. Человеку сложно долго находиться в большом напряжении: он должен расслабляться. А вот форма телесериала с разбивкой по 40 минут вполне меня устраивает - здесь можно «держать градус».

Я придумал снять длинную историю с мощным финалом, причем за маленькие деньги. И вот сейчас завершаю этот проект.

- Откуда возникло название «Лебединый рай»?

- Это такое гипотетическое место - маленький провинциальный город. Который сегодня в России выглядит, как рай. Там живут люди, живут, как в раю. Но узнаешь об этом только тогда, когда на тебя обрушивается ад.

- Александр Наумович, в ваших картинах всегда снимались мощные артисты, причем многие из них обладают собственным режиссерским мышлением. Наверняка кое-кто пытается перехватить на площадке бразды правления. Как удается удерживать «возжи»? Вы на площадке - деспот?

- Нет, но я умею считать время. На площадке надо быстро работать, особенно на сериале. Тем более, что сейчас мы добились, что в сериале присутствует стопроцентное кинокачество. Понимаете, что это значит? Это означает, что каждый кадр снимается с 4 - 5 точек. Но если ты знаешь, чего хочешь, и если это понятно команде, то нет необходимости быть деспотом. Люди любят выполнять разумные распоряжения и хотят участвовать в осмысленном процессе.

- Но у каждого актера есть свое представление, как надо!

- Есть. И я всегда пытаюсь понять, деформирует ли общий замысел вот такое личное отношение актера.

- И как вы тогда работаете с артистами?

- Когда я работаю, например, с прекрасной актрисой Аней Банщиковой, то вижу, что она любит выполнять задачу режиссера. Ей это доставляет удовольствие, и она это делает классно.

А Мария Гольданская, например, каждый раз приходит со своим представлением. Но ломать ее совершенно бессмысленно. Лучше принять ее предложение и под нее подстроиться, чтобы артистка с полной раскрывкой бы свое понимание роли. Есть у меня на сериале Лена Панова - глубокая, серьезная актриса. Ее проникновение в глубь характера удивительно: хоть к потолку ногами прилепи - она пройдет по этому потолку и впишет в любой рисунок свое глубокое понимание характера.

Разные люди, разные школы... Вот Алена Бабенко - классная актриса, дисциплинированно работает в рамках роли и не выходит из нее. Только к концу огромной работы я вдруг понял, что она - дивная комедийная актриса, а я ее в этом качестве упустил. Я даже заснуть не мог: «Идиот, что же я наделал?» Ее роль не выражала комедийности, и поэтому Алена эту свою грань не проявляла. Срочно стал дописывать для нее комедийные сцены.

Проблема заключается не в деспотизме, а в том, чтобы угадать потенциал актера и дать ему максимальную свободу.

Один из самых властных режиссеров Станиславский кричал: «Не верю», но при этом обожал импровизацию актеров. И чем четче ты понимаешь стратегию, тем больше свободы ты можешь дать людям, которые движутся в правильном направлении. А определяется это практически сразу - еще на пробах.

- У вас в новом сериале работает замечательный оператор. Материал снимал кто-то из мастеров?

- Напротив. Я работал с молодым оператором - русским парнем, правда, получившим образование в Америке. Для него начало работы было драматичным. В Америке оператор - крупная величина, у него - много помощников, и он ими только командует. А здесь у него никого не было, все пришлось делать самому. Сначала он растерялся, но потом все очень классно сделал.

- Вы снимали полнометражные фильмы. Когда стали появляться первые сериалы, вы с ходу «перестроились» и мастерски сняли «Границу»,

как будто всю жизнь только сериалами и занимались. А сами вы любите смотреть сериалы или полнометражное кино?

- Страшно в этом признаться, но рано или поздно я должен это сделать: я ни разу в жизни не смотрел ни единого сериала. Я лишь придумал для себя, каким сериал должен быть, чтобы снять «Границу». Я ведь - не зритель, у меня мало времени. Режиссура - это такое занятие, которое забирает всю вашу жизнь: съемочный процесс идет 12 часов, но его надо подготовить, а затем еще и отсмотреть материал вечером. И в этом - трагический конфликт: я снимаю кино вроде бы для зрителя, а на самом деле - снимаю его для себя.

Сериал - это единственная форма, где можно реализовать кинороман. У меня была давняя мечта - новелльную идею полторачасового фильма как-то раздвинуть. Но ее можно раздвинуть только на сериале, на телевизионном экране. Здесь отношения у героев могут быть более подробные, можно делать большие эпизоды.

- Как вы думаете, кто ваш сегодняшний зритель?

- Снимая «Границу», я все время думал, кто же это будет смотреть-то? С «Границей» мне повезло: ее смотрели почти все. Я это понял, когда приезжал в маленькие городки и выяснил, что там все смотрели этот сериал. Когда я учился у гения поэтического кино Довженко, он говорил: «Когда вы снимаете кино, которое будет на грани ваших возможностей, то не думайте, что оно будет всем нравиться - если 3 человека на 1000 попадется, которым оно будет так же дорого, как вам, - это очень большое счастье».

- Кто является, на ваш взгляд, героем нашего времени?

- Наше время - принципиально безгеройное. Потому что этические принципы в нашем обществе разрушены. Людей, которые могут быть совестью нации, таких, как Сахаров, Солженицын - просто теперь нет. Нет таких писателей, как Лев Толстой, Чехов, Достоевский. Я вижу, что очень талантливая молодежь, все самые лучшие, устремляются на Запад. Россия лишь становится местом, где они выживают. Я не знаю, кого сегодня можно назвать героем...

- А как тогда удержать внимание зала?

- Это в кино не столь сложно. И не это создает искусство. Искусство создает объемное представление жизни.

Сюда входят и личность человека, и трагизм ситуации, и понимание жизни, и самое глубокое и точное выражение конфликта. Разговор о жизни и смерти всегда будет увлекателен. Но просто бесконечные погони, за которыми я краем глаза смотрю по несколько минут, не интересны.

- Какой вопрос вы задали бы сами себе?

- Я много вопросов себе задаю. Из этого и складывается, собственно, вся моя работа. Когда-то я работал с композитором Шнитке - он был моим товарищем, и меня удивляло, как серьезно и сосредоточенно он работает всегда. Его жизнь была полностью подчинена музыке. Вся жизнь его прошла в согнутом состоянии над столом, где он чертил эти знаки. Художник рисует картины - и он их видит, я снимаю кино и могу материал тут же увидеть, а у него музыка вся складывается в мозгу. Японцы присудили ему в области музыки очень престижную Императорскую премию. Его обладатели всего 4 человека. И тот, кто получает эту премию, должен сказать ответную речь. Там был художник, который писал черной краской, и он произнес философское эссе по поводу черной краски. Был архитектор, который делает здания изогнутых поверхностей. И он произнес обличительный спич по поводу геометрии. А Шнитке сказал очень просто, что он не знает, как вложить свое творчество в философскую концепцию. «Моя работа очень простая, я сажусь за рабочий стол, задаю себе вопросы и нахожу на них ответы. Все». После него должен был выступать Курасава, который должен был получать премию за кино. И он сказал: «Знаете, а я как Шнитке - прихожу на студию, задаю себе вопросы и стараюсь находить на них ответы». Вот в этом наша профессия - задавать вопросы и находить на них ответы.